

Правоприменение Судебника 1497 г.

Насколько точно законодательные нормы применялись в суде?

Правые грамоты; земельный суд; Судебник 1497 г.; правоприменение в Московской Руси.

Judicial charters; land trials; the Law Code of 1497; law enforcement in Moscow.

В статье рассматривается отражение применения норм Судебника 1497 г. в судебных документах (судных списках, докладных правых и правых грамотах), а также историография проблемы. Особое внимание уделено обзору историографической дискуссии о, так называемом, «казусе 1503 г.» о неприменении смертной казни за поджог. Автор приходит к выводу, что к реконструкции русского судебного процесса XV — первой половины XVI в. на основе Судебника 1497 г. необходимо подходить с чрезвычайной осторожностью, поскольку в сохранившихся от судебного делопроизводства этого времени источниках нормы Судебника часто игнорируются.

In the present paper the implementation of the Law Code of 1497, as well as historiography of the issue, are observed. The main question is — how the legislation standards are reflected in judicial documents, such as trial records and judicial charters. Special attention is paid to the discussion about so called “casus of 1503” and nonuse of the death penalty for the arson. The author made a conclusion that one should be extremely cautious trying to reconstruct russian judicial process of 15th — the first half of the 16th cc. with help of the Law Code of 1497, because this Law Code is frequently ignored in judicial documents.

В XV в. в русских княжествах судебная процедура земельных споров уже протоколировалась, а от конца XV — начала XVI в. сохранилось около 70 судебных документов в списках и подлинниках. Сопоставление норм Судебника 1497 г. с данными этих документов позволяет установить его роль в судебной практике.

Дошедшие до наших дней законодательные памятники нередко воспринимаются исследователями как череда сменяющих друг друга, эволюционирующих законодательных актов. Русской Правде приходит на смену Русская Правда в пространной редакции, затем Двинская Уставная грамота, затем Псковская и Новгородская судные грамоты, затем все судные грамоты были сведены в Судебник Ивана III, который в свою очередь был заменен Судебником 1550 г. и т. д. [7, с. 139–145; 16, с. 37]. При таком подходе нормы более ранних законодательных памятников могут реконструироваться и трактоваться на основе более поздних [16, с. 88–89]. Древнерусская законодательная норма часто воспринимается в отечественной историографии,

---

¹ Калашникова Ангелина Анатольевна, Санкт-Петербургский институт истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), младший научный сотрудник, aastafieva@eu.spb.ru

как нечто обязательное к исполнению, обладающее высшей юридической силой, а актовъй материал ее отражением и основой для толкования [12, с. 171].

В законодательных памятниках действительно присутствуют названия различных видов судебной документации, упоминания о пошлинах за их составление, а также описывается судебная процедура, однако, большая часть этих документов не сохранилась, а судебные протоколы нередко противоречат законодательным нормам. Так Псковская судная грамота в ст. 12 и 82 упоминает судницу [14, с. 332, 339], в ст. 20, 50, 82 — позовницы [14, с. 333, 336, 339], в ст. 50 — бессудные, а в ст. 82 — приставные грамоты [14, с. 336, 339], также в ст. 58 и 4 упоминается место проведения суда — «судебница» и «у князя на сенех» [14, с. 332, 337]. Однако от Пскова сохранилась только одна правая грамота 1483 г. (в списке XVI в.) суда Ярослава Васильевича Оболенского по делу о шестой части проезда по реке Перерве между Богородицким Снетогорским и Козмодемьянским монастырями [6, с. 326–328], а судницы, позовницы и приставные грамоты до нас не дошли. Ю. Г. Алексеев полагал, что судебные документы, о которых говорит Псковская судная грамота, утрачены, потому что они теряли свое значение после завершения дела, в отличие от судебных актов на земли их не хранили [3, с. 213]. Это, впрочем, никак не объясняет плохой сохранности псковских правых грамот и судных списков.

Новгородская судная грамота в ст. 30 и 31 упоминает срочные, в ст. 12, 33, 34 и 35 — судные, в ст. 33 и 40 бессудные и полевые грамоты, а также в ст. 31 и 39 — отсылки [14, с. 305, 307–38]. Однако от Новгорода периода независимости не сохранилось ни одного документа, который можно было бы классифицировать как судный список, правую или докладную правую грамоту. Само понятие «правая грамота» практически не встречается в новгородских источниках [9, с. 12–17]. Судя по контексту употребления понятия «судная грамота» в Новгородской судной грамоте, под ней понимался протокол разбирательства, включающий в себя решение по делу, то есть то, что в Судебнике 1497 г. называется «правой грамотой».

Двинская уставная грамота конца XIV в. также упоминает пошлины за составление судебных документов, а также бессудные правые грамоты и судные списки [6, с. 144–146]. Псковская судная грамота в ст. 13, 18, 20, 21, 36, 37, 92 [14, с. 332–340], а также Судебник 1497 г. в ст. 4–7, 49, 52 и 68 [19, с. 55–62] детально регламентируют проведение судебного поединка, который на практике в XV в. уже не применялся. В ст. 67 Судебника оговаривается ответственность за лжесвидетельство, хотя показания свидетелей не только никогда не проверялись, но и при очевидном обмане свидетели не несли наказания [19, с. 62]. 63 ст. Судебника регламентирует сроки давности по земельным делам, которые также часто не соблюдались [8, с. 286–293].

Реконструируя на основе Судебника 1497 г. судебную процедуру, исследователи приходят к выводу о существовании местного (волостели и наместники ст. 20, 37 и др.) и центрального (бояре и окольничьи (ст. 1 и др.), великий князь и его дети (ст. 21)) суда [3, с. 217; 11, с. 52; 17, с. 203–251].

Однако на материале земельных судебных документов разделение суда на местный и центральный почти не прослеживается. В настоящий момент неизвестны сохранившиеся судные списки, правые или докладные правые грамоты, в которых в качестве судьи по земельному делу упоминался бы волостель или наместник. Термин «волостель» вообще неизвестен судебной документации. Единственным сохранившимся свидетельством о земельном суде наместника являются два упоминания правых грамот 1537/38 гг. галичского наместника Тимофея Васильевича (Борисова?) в переписной книге галичских монастырей и церквей 1701 г. из собрания РГАДА (Ф. 237. Д. 23.) [15, с. 153–154]. Тексты этих грамот не сохранились.

Ю. Г. Алексеев считал, что статус наместников и волостелей в судебных документах мог не указываться, а упоминаемый во вводной формуле суд «по грамоте» — это суд по кормленной грамоте, выданной волостелю или наместнику [5, с. 118]. Сопоставление известных из судебных документов имен судей с опубликованными списками наместников и волостелей не дало никаких результатов. Встречаются грамоты с вводной формулой «си суд судил по грамоте», в которых можно определить статус судей. Например, белозерские писцы Михаил Дмитриевич Шапкин и Иван Голова Семенов в 1492 г. судили «по грамоте», но кормленщиками на момент разбирательства не были [2, с. 199–203]. Вероятнее всего, судом «по грамоте» был суд по указной грамоте, которая поручала конкретному лицу конкретное судебное разбирательство [2, с. 542].

О суде окольных на материале земельных судебных документов нам также ничего не известно. Сохранилось только одна докладная правая и две правых грамоты, в которых окольные упоминаются в качестве судных мужей, присутствовавших на судебном заседании или на докладе в случае докладной правой грамоты [2, с. 405–408, 447–449; 1, с. 192–214]. Все три дела разбирались великими князьями (в случае докладной правой грамоты великий князь принимает доклад).

В отечественной историографии существует дискуссия о правоприменении Судебника 1497 г., которая наиболее ярко проявилась в полемике вокруг так называемого «казуса 1503 г.» и применения смертной казни за поджог по 9 ст. Речь идет о судном списке 1503 г. суда боярина Семена Борисовича Брюхо Морозова, выданном властям Спасо-Евфимьева монастыря, по делу о сожжении крестьянами Михаилом Жуком Насоновым и Копосом Чернаковым монастырской деревни Ильинской [2, с. 542–543]. Признавшийся в поджоге крестьянин Михаил Жук не был осужден на смерть: ему сначала присудили возмещение убытков в размере 9,5 рублей, а затем, когда выяснилось, что он не в состоянии заплатить эту сумму, его выдали монастырю «до искупа».

Исследователи спорят об интерпретации 9 ст. Судебника: «А государскому убойце и кромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью» [17, с. 20]. Особенно много вопросов вызывает категория «подымщик». Л. В. Черепнин полагал, что в этой статье перечисляются преступления против государства. «Зажигальник» — это не просто поджигатель, а поджигатель

города, который хочет сдать его врагу, тогда как «подымщик» — это ошибочное написание слова «пометчик», встречающегося в Судебнике 1550 г. и обозначающего, по мнению Л. В. Черепнина, шпиона, разглашателя секретных сведений [17, с. 58–59].

С. И. Штамм и Ю. Г. Алексеев, не соглашаясь с трактовкой понятия «зажигалник» Л. В. Черепнина, объясняли «казус 1503 года» исходя из признания или непризнания подсудимого ведомым лихим человеком. Если считать, что между словами «зажигальник» и «ведомый лихой человек» не было запятой, а второе является определением первого, тогда получается, что к смерти приговаривались только ведомые лихие люди, то есть рецидивисты, поджигатели, которые совершали преступления и прежде, а упомянутый крестьянин таковым, очевидно, не являлся [4, с. 221; 17, с. 71–72].

К. В. Петров предложил новую трактовку как ст. 9, так и «казуса 1503 г.». Он полагал, что в 9 ст. речь идет все же о двух группах преступных деяний, которые караются смертной казнью: к первой относятся преступления, совершенные впервые, — государский убийца, кромолник, церковный тать, головной (тать), подымщик и зажигалник; ко второй все преступления, совершенные повторно, — ведомый лихой человек [13, с. 81]. Опираясь на исследования дореволюционных правоведов, К. В. Петров объясняет противоречие между статьей Судебника и решением судьи рекомендательным характером законодательной нормы в XV – XVI вв. Он настаивает на том, что современное понимание закона как акта, изначально обладающего высшей юридической силой, которому не может противоречить юридическая практика, возникло не ранее XVIII в., и, следовательно, оно не должно проецироваться на более ранние периоды [12, с. 171–173; 13, с. 81].

С. Н. Кистерев не согласился с гипотезой К. В. Петрова и написал ответную статью, в которой, сопоставляя ст. 9 Судебника 1497 г. со ст. 61 Судебника 1550 г., приходит к выводу, что характеристика «ведомый лихой человек» являлось определением не для всех категорий преступлений, перечисленных в первой части статьи, а только для «зажигалника» [10, с. 454–460]. Таким образом, С. Н. Кистерев возвращается к аргументации С. И. Штамм и Ю. Г. Алексеева, объясняя «казус 1503 г.» тем, что обвиняемый не был рецидивистом и поэтому не был осужден на смерть.

С. В. Стрельников также критиковал гипотезу К. В. Петрова. Полагая, что особенностью древнерусского законодательства было сохранение уже существовавших норм, для прояснения сути 9 ст. Судебника 1497 г. С. В. Стрельников обращается не к Судебнику 1550 г., как это делали его предшественники, а к Соборному уложению 1649 г. [16, с. 88–89]. Опираясь на 4 ст. второй главы Соборного уложения, он соглашается с мнением Л. В. Черепнина, что под «зажигалником» в 9 ст. Судебника имеется в виду поджог города с целью передать его врагу. С. В. Стрельников также ссылается на С. Герберштейна, который трактует «зажигалника» как «тот, кто поджигает людей». Иными словами, поджог, о котором речь идет в 9 ст. Судебника,

должен привести к массовой гибели людей, чего в случае «казуса 1503 г.» не происходит, поэтому к Михаилу Жуку смертную казнь не применяют.

Трактовка 9 ст. Судебника 1497 г. таким образом, что Михаилу Жуку по закону не полагалась смертная казнь, все же не снимает многочисленных противоречий между древнерусским законодательством и правоприменением. Зазор между законодательными нормами и их отражением в судебных документах не преодолевается объяснением «казуса 1503 г.», который стал самым обсуждаемым среди исследователей, но далеко не единственным проявлением этого противоречия. Правоприменительная практика, какой исследователи видят ее через призму правых грамот и судных списков, зачастую противоречит постановлениям судебников, а многочисленные судебные акты, упоминаемые в законодательстве, не сохранились до наших дней.

Можно предположить, что земельный суд был особой процедурой, чьи документы тщательно хранились. Вероятно также, что в Судебнике 1497 г. описывается процедура неземельного суда, которую не считали нужным фиксировать на бумаге. Учитывая тот факт, что этот законодательный памятник дошел до нас в единственном списке, сделанном через полвека после составления Судебника, можно усомниться в его значительном влиянии на судебную практику. Для сравнения Судебник 1550 года дошел до нас в более чем 50 списках [17, с. 114, 117–130].

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I. СПб., 1857.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958.
3. Алексеев Ю.Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопрос наместничьего суда // ВИД Т. 23. Л., 1991.
4. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.
5. Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV – XV вв. СПб., 1998.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. – Л., 1949.
7. Казаков Р.Б. Судебник 1497 года // Вопросы истории. 2000. № 3.
8. Калашникова А.А. К вопросу о применении норм Судебника Ивана III // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016.
9. Калашникова А.А. Новгородская судебная практика по данным берестяных грамот // Новгородика — 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и

современность: Материалы VI Международной научной конференции 26–27 сентября 2018. В 2-х тт. Т. 2. Великий Новгород, 2018.

10. Кистерев С.Н. Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в. // Очерки феодальной России. Вып. 11. М., 2007.

11. Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси XIV – первой половине XVI века: очерки социальной истории. СПб., 2003.

12. Петров К.В. Значение «закона» в средневековом русском праве XVI – XVII вв. // Cahiers du monde russe. 2005. № 1–2.

13. Петров К.В. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI – XVII вв. // Государство и право. 2007. № 7.

14. Российское законодательство X – XX веков в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984.

15. Русский дипломатарий. Вып. 1. М., 1997.

16. Стрельников С.В. К вопросу о применении законодательных норм в российской судебной практике начала XVI в. // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3.

17. Судебники XV – XVI вв. М. – Л., 1952.

18. Штамм С.И. Суд и процесс // Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986.

19. Штамм С.И. Комментарий к Судебнику 1497 года // Российское законодательство X – XX веков в 9 т. Т. 2. М., 1985.